

Крестьянинъ отдасть тринадцать рублей, присовокупляя: »на эти деньги ужъ и выносъ моему грѣшному тѣлу сдѣлайте«...

— Очень хорошо!..

Тринадцать рублей записаны въ доходную книгу, вложены въ братскую кружку и—раздѣлены между 11-ю членами причта (церковь трехъклирная)... Я ужъ давно выбылъ изъ Пучежа,—даже поступившій на мое мѣсто священникъ не существуетъ—умеръ, и на мѣсто умершаго поступилъ уже туда новый священникъ... А мужикъ?.. Мужикъ, какъ слышалъ я впоследствии, не одинъ разъ, послѣ отдачи денегъ за выносъ, погребеніе и сорокоустъ, ходилъ въ Кіевъ на богомолье; былъ совершенно здоровымъ неслишкомъ давно; быть можетъ, и теперь находится въ такомъ-же вождедѣнномъ здравіи...

— Такъ-то, мой любезный товарищъ, заключилъ я,—насъ часто тревожатъ совершенно напрасно, и кажется, слишкомъ строго нельзя осуждать насъ, если мы отказываемся иногда отъ поѣздки въ деревню, имѣя на то какія-либо основанія¹⁾...

Товарищъ не возражалъ и не произнесъ надъ моимъ рассказомъ своего приговора, хотя, признаюсь, я ожидалъ этого приговора не безъ смущенія нѣкоего...

¹⁾ По поводу этой мысли редація имѣетъ представить читателямъ замѣтку въ непродолжительномъ времени.

Записки сибирскаго сельскаго священника.

I.

Тяжелыя минуты.

Въ мирѣ скорбни будете: но держайте, яко Азъ побѣдихъ миръ (Іоан. 16, 33).

Въ предлагаемыхъ запискахъ мнѣ душевно хотѣлось бы подѣлиться съ своими собратьями нѣкоторыми чувствами и мыслями, на которыя невольно наталкивала меня жизнь, заставляя глубоко задумываться и задавать мудреные, трудно-разрѣшимые вопросы... Но грустно, что приходится начинать мои записки »тяжелыми минутами«; а впрочемъ у кого, какъ не у сельскаго священника встрѣчается въ жизни такое множество »тяжелыхъ минутъ«, до того иногда тяжелыхъ, что неудержимо льются скорбныя, жгущія душу, но необлегчающія слезы... Только Онъ, Утѣшитель Духъ истины, въ эти скорбныя минуты, проливаетъ въ душу миръ и успокоеніе и даетъ силу преодолѣть всеубивающее уныніе... Мнѣ вѣжется, что никто изъ насъ, недостойныхъ служителей олтаря, не былъ свободенъ въ жизни отъ этихъ »тяжелыхъ минутъ«, и потому объ нихъ именно я рѣшился заговорить въ началѣ моихъ записокъ. Можетъ быть, у кого-нибудь и было въ жизни что-нибудь подобное тому, что переживалъ я во время своей, хотя и не продолжительной, пастырской дѣятельности, и кто-нибудь, можетъ быть, за тысячи верстъ сочувственно вздохнетъ и скажетъ: »да, точно, это тяжелыя минуты въ нашей жизни!« Источникъ тяжелыхъ минутъ сельскаго священника кроется въ страшномъ разладѣ народной жизни съ идеалами христіанства, въ тупомъ индиферентизмѣ къ ин-

тересамъ религіи и превратномъ пониманіи или совершенномъ непониманіи ея обрядовой стороны; а также въ томъ пошломъ, подь часъ циническомъ, взглядѣ, сложившемся вѣками, на священника и выражающемся въ стереотипныхъ фразахъ въ родѣ тѣхъ, что »попъ живетъ только для того, чтобъ брать съ живаго и съ мертваго,—что »вѣсы не поповская душа—не солгутъ«,—что »попами да дьяками будетъ наполненъ адъ« и проч. и проч. и еще пошлѣе и циничнѣе... Прибавьте къ этому матеріальную зависимость священника отъ грубаго, враждебно на него смотрящаго, прихожанина и выдащаго въ каждомъ задушевномъ словѣ, исполненномъ желанія добра и возможнаго счастья, кабую-то тайную, заднюю мысль наживы;—невозможность, въ силу той-же матеріальной зависимости, имѣть на прихожанъ нравственное вліяніе, а вслѣдствіе этаго ихъ нравственное косненіе, ихъ духовную слѣпоту и неподвижность... Соедините все это въ одинъ итогъ и вы увидите, что на долю сельскаго священника можетъ выпасть очень мало свѣтлыхъ отрадныхъ минутъ. Жизнь его—вѣчные, сѣренькіе будни и иногда и свѣтлые праздники отравляются горькими, скорбными слезами, которыхъ не видитъ или не желаетъ видѣть міръ; міръ не хочетъ видѣть, что чаша нравственныхъ страданій его пастырей уже давно переполнена униженіями, глумленіемъ, презрѣніемъ, при удобномъ случаѣ, разнаго рода притѣсненіями, обидами и проч.

Почему такъ сложилась горькослезная жизнь священника? Или въ силу того мнѣнія, что священникъ долженъ быть безстрастенъ какъ ангель и ему не должно быть присуще ничто человѣческое?... Засвѣтится-ли когда заря новой жизни для духовенства, или ему суждено до донца дней міра сего быть сословіемъ подъяремнымъ? Отойдутъ-ли когда въ область тя-

желыхъ преданій всѣ эти »осенки« »петровки« »сборы пудовоко́ хлѣба« на Рождествѣ и »сборы ковригъ и яиць« на Пасхѣ? Дождется-ли св. церковь тѣхъ дней, когда служитель ея не будетъ слышать отъ прихожанина словъ равно относящихся и къ нищему и къ бродягѣ: »хозяйка подай ему чего нибуть!« и когда служитель ея не будетъ наравнѣ съ безпріютнымъ, бродячимъ людомъ шлаться по-подобонью и выжидать подачи куска мяса, горсти крупы и влочка шерсти или кудели?..

Начинать-ли старую всѣмъ давно извѣстную пѣсню о доходахъ, количество которыхъ опредѣляется произволомъ и доброю волею прихожанъ, и дача которыхъ нисколько не обязательна; между тѣмъ служеніе священника недопускаетъ ни малѣйшаго уклоненія, упущенія и промедленія въ исполненіи его обязанностей, а тѣмъ паче вымогательства за требоисправленія: то и другое вызываетъ жалобы епархіальному начальству, и подвергаетъ священника суду...

До поступленія на приходъ, я не знакомъ былъ съ деревенскою жизнію. Я былъ уроженецъ хотя и бѣднаго и грязнаго, но все-же городишка, гдѣ люди и по понятіямъ и по образу жизни, отличны отъ люда деревскаго. Я зналъ »деревенскихъ бѣдныхъ людей« по свѣтской литературѣ, которая, созидаясь въ столичныхъ кабинетахъ, рисовала этихъ людей совершенно не такими, съ какими мнѣ пришлось имѣть дѣло въ самой жизни. Да кромѣ того оказалось, что и по литературѣ-то я знакомъ былъ съ російскимъ деревенскимъ людомъ, а не съ сибирскимъ. Когда я началъ провѣрять съ дѣйствительностію свои понятія о деревенскихъ жителяхъ, то оказалось, что сибирякъ далеко не то, что російскій крестьянинъ. Литература проповѣдывала, что простые, темные

люди потому грубы, невѣжественны, суевѣрны, что никто не хочет заняться ими, никто не хочет ничего разумно растолковать имъ, что нѣтъ интеллигентныхъ людей, которые проводили-бы въ темную среду крестьянъ цивилизующее начало, что крестьяне жаждутъ свѣта, разумнаго слова и никогда не прочь усвоить всякое полезное наставленіе. . И бипѣло нетерпѣніемъ юное сердце — скорѣе, скорѣе стать въ эту темную среду и возжечь свѣтъ истины, которая, какъ весенній теплый лучъ солнца, согрѣветъ своимъ свѣтомъ холодныя, но жаждущія теплоты сердца, и думалось, что подъ влияніемъ этой теплоты и этого свѣта сѣмена истины, зававшія въ простыя сердца, непременно дадутъ ростки и не задавятъ ихъ тернія лжеименнаго разума и не унесутъ ихъ перелетныя птицы... И думалось и вѣрилось, что придетъ блаженное время, когда эти грубые, разрозненные матеріальными интересами, люди соединятся какъ братья въ одномъ душевномъ движеніи, въ одномъ біеніи сердца, упоеннаго вѣчною истинною, правдою, любовію... И думалось и вѣрилось, какъ будетъ отрадно для души и сладостно для сердца видѣть плоды своихъ начинаній и прилагать труды къ трудамъ на пользу ближняго. И думалось... но къ чему повторять эти отрадныя думы, когда ихъ смѣнили думы горьвія, безотрадныя...

Быль теплый, весенній день; лѣсъ начиналъ покрываться зеленымъ пухомъ молодыхъ листовъ; въ воздухѣ пахло смолистымъ ароматомъ; южный вѣтерокъ наносилъ откуда-то запахъ дыма; а надъ широкою степью куполомъ раскидывалось безоблачное, глубокое голубое небо; жаворонокъ высоко вился въ прозрачномъ, тихомъ воздухѣ и трели его пѣсни едва доходили до слуха... Все это навѣвало на сердце самыя отрадныя, успокоительныя чувства. Во всемъ—въ пробуждающейся въ жизни природѣ,

въ блескѣ солнечнаго луча, серебриваго молодую листву деревьевъ, въ вѣяніи теплаго вѣтерка, въ ароматѣ воздуха, въ свистѣ перелетной пташки,—во всемъ чуяло сердце начало какой-то новой жизни, ощущало какія то доселѣ невѣдомыя, но невыразимо отрадныя впечатлѣнія...

Я подѣзжалъ къ назначенному мнѣ приходу.

Вотъ показалась въ группѣ сѣренскихъ домиковъ села бѣлая, съ золоченымъ крестомъ церковь, предъ олтаремъ которой я готовился быть служителемъ. Съ сердечнымъ умиленіемъ я помолился на храмъ Божій...

Не буду распространяться о первоначальномъ устройствѣ моей жизни; худо-ли, хорошо-ли, но она устроилась и вступила въ тихую и мирную, повидимому, колею сельского священника.

Многіе нравственные недостатки російскаго простаго народа у насъ привыкли, вообще, объяснять тяжелымъ гнетомъ барства, которое и дѣйствительно имѣло на народъ неблагоприятное вліяніе. Въ Сибири нравственный уровень простаго народа едва-ли не ниже російскаго. Хотя въ Сибири не было барства, какъ гнетущаго сословія; но въ ней были: »чиновничество стараго времени, живущее отъ царя далеко«, наѣзжіе російскіе эксплуататоры, жадные до наживы и не пренебрегающіе никакими средствами къ обогащенію, штрафная колонизація російскаго отребья, а за послѣднее полустолѣтіе, восточно-сибирская золотопромышленность и вольная продажа водки;—все это било и грабило Сибирь, искажало и растлѣвало нравственный характеръ ея жителей.

На первыхъ-же порахъ моего служенія, я увидѣлъ, что приходскій священникъ въ Сибири есть тотъ-же миссіонеръ и что первая проповѣдь его должна начаться ученіемъ о бытіи Божіемъ и о томъ, что такое Богъ? въ Ко-

тораго, повидимому, вѣрують здѣшніе православные деревенскіе жители. О знаніи и пониманіи многи прихожанами прочихъ христіанскихъ догматовъ и нравственнаго ученія не считаю нужнымъ и говорить... Религіозная жизнь сибирскаго народа до того темна и неопредѣленна, что невольно приходишь нѣ грустному убѣжденію, что религіозной жизни въ сибирскомъ народѣ нѣтъ. Есть одна обрядовая сторона религіи, совершенно непонятная и принимаемая за самую суть религіи; достаточно сказать, что мнѣ встрѣчались въ моемъ приходѣ старики и старухи лѣтъ 60—80 отъ роду, *незнающіе ни одной молитвы*, и такіе, которые во всю свою многолѣтнюю жизнь не были ни разу у исповѣди и св. причастія.

При совершенномъ невѣденіи христіанско-нравственныхъ законовъ и высшей человѣческой правды, крестьянскія общества въ Сибири представляютъ весьма грустную картину всевозможныхъ пороковъ, насилій, разврата, вѣроломства и эгоизма.

При отсутствіи религіозно-нравственныхъ основъ жизни, проходимцы всевозможныхъ раскольническихъ сектъ и толковъ разсѣиваютъ съ успѣхомъ сѣмена своихъ нелѣпыхъ, а подѣ часъ и безирравственныхъ ученій, подрываютъ авторитетъ церкви и довѣріе къ духовенству, поселяютъ антагонизмъ и неприязнь; а штрафная колонизація вносить и вносила въ крестьянскую жизнь всевозможное растлѣніе и, такъ сказать, сквасила крестьянскую жизнь острыми дрожжами...

Сплошь и рядомъ въ приходскомъ населеніи въ нѣсколько сотъ душъ мужскаго пола—не встрѣтите ни одного грамотнаго¹⁾; но за то каждое селеніе, каждая

¹⁾ Есть, впрочемъ, при волостяхъ училища, гдѣ обучаются грамотѣ весьма незначительное число дѣтей исключительно того села, гдѣ находится волость. *Авт.*

деревня имѣеть нѣсколько питейныхъ заведеній. При отсутствіи высшихъ, духовныхъ интересовъ жизни, пьянство въ сибирскомъ крестьянствѣ растетъ не поднимъ, а по часамъ и вино сдѣлалось стимуломъ дѣятельности, руководящею силою каждаго деревенскаго «общества». Безъ вина не мыслимо ни какое общественное дѣло, какъ бы оно важно или ничтожно ни было¹⁾. Вино—это артельный духъ, общинное начало крестьянскаго населенія и единственный цементъ, связующій отдѣльныя личности въ единый, нераздѣльный, общественный организмъ. Надо только дивиться, какія омерзительно—скверныя дѣла совершаются во имя этаго излюбленнаго начала, сколько допускается по общественнымъ рѣшеніямъ, основаннымъ на винѣ, самыхъ вопіющихъ несправедливостей, насилій, обидъ, притѣсненій... Сибирскому крестьянину мало извѣстны чувства чести и справедливости. Онъ не только способенъ измѣнить данному слову, но принявши присягу, дастъ совершенно разнорѣчивыя показанія по одному и тому-же дѣлу, или солжетъ, не смущаясь душой. Люди, имѣющіе дѣла съ сибиряками по торговымъ, хлѣбнымъ и скотопромышленнымъ операціямъ, хорошо знаютъ ихъ вѣроломство, хитрыя уловки уклониться отъ денежныхъ обязательствъ и прямой безсовѣстный обманъ...

Въ сибирякѣ болѣзненно развита жажда наживы, жажда приобрѣтенія, какія-бы средства къ тому не представлялись: пристанодержательство воровъ, приѣмъ краденыхъ вещей, фальшивая монета и т. п. Имѣя въ виду иногда ничтожную наживу или просто возможность напиться до пьяна даровой водки, сибирякъ не постоитъ ни за что: онъ продастъ жену, дочь и самъ рѣшится на

¹⁾ См. для примѣра № 31 «Сибири»; передовая статья моя «на мосты и дороги». *Авт.*

всякое униженіе и какое угодно скверное дѣло... О чувствахъ семейной любви, милосердіи, прощеніи, равноправности половъ, сибирскій крестьянинъ не имѣетъ понятія. До вступленія въ бракъ, между молодыми людьми обоого пола существуетъ развратъ, на который родители, и сами предававшіеся ему въ молодости, не обращаютъ никакого вниманія. И сочетавшись бракомъ не для чего-либо инаго, какъ для совмѣстной работы и увеличенія въ домѣ рабочей силы, мужа и жены не особенно заботятся о сохраненіи супружеской вѣрности и чистотѣ нравовъ. Не рѣдкость въ сибирскихъ деревняхъ и такого рода явленія, что два мужика состоятъ въ супружеской связи съ одною женщиною, женою котораго нибудь изъ двухъ. И это, какъ вещь довольно обыкновенная, никому не бросается въ глаза и не возбуждаетъ вниманія... Земскимъ, сибирскимъ чиновникамъ хорошо извѣстны дѣла о жестокомъ обращеніи мужей съ женами, объ отравленіяхъ женами мужей, о побояхъ, наносимыхъ дѣтьми родителямъ, о жестокосердіи и варварскихъ, утонченно придуманныхъ побояхъ, причиняемыхъ своимъ же собратьямъ крестьянамъ,—въ родѣ случая описаннаго въ газетѣ »Сибирь« № 34, 77 г., въ очеркахъ сибирскихъ нравовъ: »Своимъ судомъ«.

Сдѣлать что нибудь безкорыстно—для сибиряка дѣло немислимое; за то самъ онъ очень любитъ пользоваться даровыми услугами; это удовольствіе,—служить сибиряку даромъ,—особенно часто испытываютъ вновь пришедшіе въ сибирь поселенцы и попавшіе, по несчастію, къ сибиряку въ работники. Всю ничтожную заработную плату, сибирякъ старается *вмѣсть* съ работникомъ пропить, а снабжая его одеждою и обувью, собственнаго производства, назначаетъ за вещи цѣны непомерно высокія и такимъ образомъ старается закабалить неопытнаго пришельца на многіе годы тяжелой, безъустанной работы...

Мы рисуемъ мрачную картину нравовъ и религіозно-нравственнаго состоянія сибирскаго деревенскаго люда не по чувству вакого-либо тайнаго озлобленія и безъ предвзятой мысли—намѣренно и несправедливо очернить сибирскихъ деревенскихъ жителей; мы сами принадлежимъ къ числу коренныхъ жителей сибиря, добрая молва о которыхъ была-бы намъ дорога и пріятна. Но тѣмъ не менѣе мы должны, имѣя намѣреніе продолжать наши записки, освѣтить крестьянскую жизнь настоящимъ свѣтомъ, безъ всякихъ прикрасъ и фальшфейеровъ, чтобы показать въ какой средѣ обязанъ священникъ жить и дѣйствовать и какую громадную, непреодолимую оппозицію представляетъ крестьянская жизнь для многотрудной дѣятельности сельскаго пастыря и что эта грубая, крайне невѣжественная, эгоистическая среда служитъ источникомъ невыносимо тяжелыхъ минутъ и безконечныхъ нравственныхъ страданій.

О крещеніи слабыхъ младенцевъ.

Въ смоленской епархіи по поводу непогребенія однимъ священникомъ младенца, который былъ крещенъ повивальною бабкою безъ соблюденія установленной формы, и притомъ по крайней предсмертной слабости, вмѣсто погруженія въ воду, на что очевидно нельзя было рѣшиться, былъ только окропленъ водою, консисторія, согласно резолюціи его преосвященства въ предотвращеніе подобныхъ случаевъ, объявила чрезъ епархіальныя вѣдомости къ свѣдѣнію и руководству духовенства слѣдующія наставленія: 1) каждый священникъ обязанъ, по смыслу 84 ст. книги »о должн. Пресвит.«, при всѣхъ удобныхъ къ собесѣдованію случаяхъ внушать своимъ прихожанамъ и особенно женщинамъ, служащимъ при рожденіи дѣтей, что въ случаѣ опаснаго состоянія родившагося младенца и при отдаленности селенія отъ церкви они должны окрестить его, погрузивъ трижды въ чистую воду съ точнымъ произнесеніемъ формы крещенія: »крещается рабъ Божій

— Видно, она немного пожила, говорю я, но много добра сдѣлала и созрѣла для царствія Божія: вотъ Господь и взялъ ее къ себѣ, и въ наученіе и назиданіе намъ грѣшнымъ, *сказалъ* ей и часъ ея *кончины*, и самую кончину даровалъ безболѣзненную, тихую и мирную!... Вотъ намъ, грѣшникамъ, Богъ вѣсть, какая будетъ кончина: тяжолъ конецъ грѣшниковъ! говорила вотъ жена о. діакона, умирая; *смерть грѣшниковъ люта!* возвѣщаетъ намъ слово Божіе.

— Не въ осужденіе, батюшка, а такъ, къ слову скажу, заговорилъ тотъ-же собесѣдникъ мой: у насъ, въ сосѣдней деревнѣ, умеръ солдатъ, а въ покровскомъ приходѣ пожилая уже дѣвка: страшная смерть!

— Что-же? Солдатъ и эта дѣвица не хорошіе люди были??

— Солдатъ-то въ семьѣ своей больно плохо жить: житья не было отъ него женѣ и дѣткамъ, прямо сказать: душилъ онъ ихъ... Разъ, кабы не дядя Харламъ, такъ онъ бы совсѣмъ задушилъ и запоролъ дочку свою невѣсту уже; только дядя Харламъ и отнял... Бранился и дрался онъ съ ними весь вѣкъ свой... Больной уже, предъ самою смертію, влѣзь въ печку париться, и всяко изъ печки ругалъ бабу: »я, говоритъ, вылѣзу изъ печки: такъ до смерти тебя ушибу, подлюю, окаянную!« Вылѣзь изъ печки, и жену доподлинно поколотилъ, на сколько у него тогда хватило силенки... »Чтобы-те, дай Господи, разорвало!.. Околѣть-бы тебѣ тутъ!«... сказала баба, когда мужъ полѣзь на голбець (печку)... Не прошло, кажись, и минуты, какъ съ голбца ровно кто сбросилъ солдата на самый полъ, а голбець высокой!.. Тутъ онъ уже и не пикнулъ .. Въ ту-же ночь и умеръ...

— Ну а о жизни той дѣвицы, что ты слышалъ?

— Дѣвица та, прямо надо сказать, была распутная, пьянствомъ занималась, дружевьевъ принимала, воровала, а главное дѣло—была уже очинно зла: со всеми ссорилась, бранилась,—всѣмъ насолила... Когда еще маленькой она была, такъ говорили, что »эдакой озорницы въ свѣтѣ не привидано!«... По дѣломъ, значить, вору и муга! заключилъ мой собесѣдникъ.

— Богъ будетъ судить насъ! замѣтилъ я, а ты не осуждай.

Священникъ *Аркадій Левашевъ*.

Троица Чудца.

Записки сибирскаго сельскаго священника¹⁾.

Быль апрѣль мѣсяць. Погода стояла ясная, тихая, теплая. Снѣгъ быстро таялъ подъ вѣяніемъ теплаго вѣтерка и превращался въ какую-то водянистую массу; ручьи гремѣли по оврагамъ и по южнымъ склонамъ горъ образовались уже огромныя проталины,—наступала теплая, дружная весна.

Была великая суббота страстной недѣли. День влонился къ вечеру. Украсивъ, по мѣрѣ возможности и средствъ, свой убогій храмъ къ предстоящему великому празднику, я послѣ дневныхъ трудовъ расположился отдохнуть, чтобъ послѣ уже не спать до утрени. Весело было на сердцѣ, мирно въ душѣ и съ кажимъ-то торжественнымъ чувствомъ ожидался великій день Воскресенія Христова.

¹⁾ См. № 22.

Мимо оконъ моего дома прошла утомленная пара лошадей, запряженныхъ въ небольшія сани, сильно хлясая по таявшему снѣгу, и остановилась у воротъ моего дома.

— Ужъ не за мной-ли откуда? мелькнуло у меня въ головѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ домъ вошелъ крестьянинъ, забрызганный грязью и спросилъ дома-ли я.

Я вышелъ. Крестьянинъ торопливо подошелъ подъ благословеніе.

— Что скажешь, любезный? спросилъ я посѣтителя.

— До вашего здоровья, батюшко...

— Что же тебѣ нужно?

— Человѣка убили въ Лягушиной, тагъ послали по тебя...

— Человѣка убили!...

Это происшествіе и въ такой великій день изумило и встревожило меня.

— Что-же у васъ случилось тамъ такое? кого убили? за что? живъ-ли еще убитый?

— Да Силантія Савельича изувѣчили... Мы при этомъ дѣлѣ не были—незнаемъ ничего. Меня послали,—не знаю захватимъ-ли живаго...

— Какъ-же мнѣ ѣхать-то, любезный! ты вѣдь, знаешь кабой завтра день, а служба-то начинается съ полночи; воротиться-то не успѣемъ...

— Твоя воля: хощь ѣдешь, хощь не ѣдешь, а человѣкъ плохой... А воротиться, вѣстимо, гдѣ воротиться—вишь дорога-то: я съ утра почитай тащился...

»Господи Боже мой! невольно вздохнулъ я,—такой великій праздникъ и у насъ не будетъ литургіи... Нужно-же было случиться этому происшествію именно въ этотъ день!« До Лягушиной отъ села было верстъ 20 и при хорошей, зимней дорогѣ потребовалось бы на проѣздъ впередъ и обратно не болѣе 4—5 часовъ и я успѣлъ-бы

пріѣхать къ утрени; но въ настоящее время, при совершенномъ распутьи, я не могъ возвратиться ранѣе половины слѣдующаго дня, потому что, вмѣсто 20 верстъ прямой дороги, мы должны были сдѣлать по крайней мѣрѣ верстъ 50—60, объѣзжая безчисленные лога, рытвины и овраги, которые были переполнены водой и переѣздъ чрезъ нихъ дѣлался совершенно невозможнымъ. Не размышляя долго я порѣшилъ ѣхать.

Я послалъ за діакономъ, чтобъ сдѣлать распоряженія относительно службы.

Пришелъ діакономъ.

— Вотъ какое обстоятельство случилось, о. діакономъ! я долженъ ѣхать въ Лягушину, человѣка тагъ избили, нужно напутствовать и къ службѣ я, во всякомъ случаѣ, не возвращусь... Діакономъ служить въ приходѣ лѣтъ тридцать и всѣхъ прихожанъ съ мала до велика, зналъ какъ свои пять пальцевъ. Онъ внимательно посмотрѣлъ на мужика, который почему-то отвернулся отъ діакона и разсматривалъ на стѣнѣ таракановъ.

— Кого у васъ тамъ убили? тономъ недовѣрія спросилъ у мужика діакомъ.

— Силантія Савельича, отвѣчалъ мужикъ, все-таки не смотря на діакона.

— Коробова?... Ну, незнаю, кто Коробова перебьетъ, тотъ, одного, дня не проживетъ! Да кто-же его билъ?

— Мы при этомъ дѣлѣ не были, отвѣтилъ мужикъ, и началъ разсматривать потолокъ.

— Подрались! хладнокровно и увѣренно замѣтилъ діакономъ и отошелъ отъ мужика.

— Я пошелъ одѣваться.

— Вы не ѣздили-бы, батюшко, до завтра: вѣрно подрались; этотъ Коробовъ такой человѣкъ, что ой, ой!.. Самый прожженный!

— Нѣтъ, о. діаконъ. Богъ знаетъ, что у нихъ тамъ случилось, отвѣтилъ я; а если да умереть безъ покаянія,—вѣдь цѣлую жизнь будешь мучиться... А предъ Богомъ-то отвѣтъ... Нѣтъ, лучше оставлю службу: вѣдь не по своей-же волѣ я это дѣлаю—долгъ обязываетъ, необходимость, религія...

Передавъ діакону распоряженія относительно службы, я поѣхалъ.

Заблаговѣстили къ началу »Дѣяній«. Звонко и какъ-то радостно проносился колокольный звонъ надъ тихой деревней. Прихожане, наряженные по праздничному, шли въ церковь. Сердце мое болѣзненно сжалось и тоска тяжелымъ гнетомъ налегла на душу. Голову мою осаждали грустныя, безотрадныя мысли: »видно я безмѣрно прогнѣвалъ Господа, что Онъ не допустилъ меня въ таковой великій день совершить литургію; видно, это наказаніе за мои безчисленные грѣхи... Но, въ то-же время, я старался успокоить себя мыслию, что на это есть воля Божія; что, можетъ быть, больной съ нетерпѣніемъ ждетъ меня, чтобы въ послѣднія минуты жизни сложить съ души бремя грѣховъ,—что каждое мгновеніе онъ ждетъ меня,—что каждое мгновеніе онъ борется за жизнь съ безпощадною, неумолимою смертію,—что пріѣздъ мой и напутствованіе св. дарами усладить его послѣднія минуты...

Сани наши точно плыли по распустившемуся снѣгу, лошади почти на каждомъ шагу проваливались по колѣни и по временамъ останавливались въ изнеможеніи. Версты по три, по четыре приходилось намъ объѣзжать лога и овраги; нѣсколько разъ лошади попадали въ какія-то ямы и тонули до спины; въ сани заливалась вода...

— Втрескались! при каждомъ подобномъ случаѣ, говорилъ ямщикъ, и, должно быть въ утѣшеніе себѣ, припоминалъ сибирскую язву.

Ночь была пасмурная, но тихая и теплая—настоящая весенняя ночь, убійственная для снѣга. Долго, страшно долго тащились мы.

— А что половину проѣхали? спросилъ я ямщика.

— А вотъ этотъ логъ объѣдемъ, такъ будетъ половина.

Чтобы сократить какъ нибудь дорогу, которая казалась мнѣ нескончаемой, я хотѣлъ пораспросить ямщика о происшествіи.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ не знаешь за что прибили Салантія-то?

— Хоть присягу принять—не знаю!...

— Удивляюсь я, какъ ты не полюбоществовалъ узнать о такомъ дѣлѣ, а тебя еще и послали... Вѣдь я узнаю же, все равно, чего-же ты скрываешься...

— Чего скрываешь! усмѣхнулся ямщикъ:—скажи тебѣ, ты скажешь отъ меня слышалъ, ну и потянуть въ свидѣтели, по судамъ, а тамъ отпирайся, какъ знаешь...

Видя, что не пользуюсь довѣріемъ моего ямщика, я болѣе не настаивалъ и елико возможно было удобнѣе улегся и заснулъ.

Не знаю долго-ли я спалъ, но когда проснулся, то восточную окраину неба зарумянила уже утренняя заря.

Утомленные лошади шли медленнымъ шагомъ, ямщикъ дремалъ на кбзлахъ и покачивался изъ стороны въ сторону.

— Далеко еще? спросилъ я.

Ямщикъ ободрился и осмотрѣлъ мѣстность.

— Близко, отрывисто отвѣтилъ онъ и опять закачался.

Я перекрестился и вполголоса пропѣлъ: Воскресеніе твое Христе Спасе... и терпѣливо ждалъ окончанія дороги.

Наконецъ показалась на горизонтѣ группа черныхъ домовъ, это была Лягушина.

— Слава Богу! радостно воскликнулъ я.

Мы подъѣхали къ большому дому, съ рѣзными воротами и крашеными во все цвѣта радуги ставнями. Обширный дворъ былъ окруженъ крытыми подъ одну крышу надворными постройками; видно было, что тутъ жилъ человѣкъ весьма зажиточный.

Во дворѣ насъ никто не встрѣтилъ; только собаки, привязанныя у амбаровъ, заливались оглушительнымъ лаемъ.

Я вошелъ въ домъ. Меня обдало запахомъ жаренаго мяса и горѣлаго масла, въ избѣ было жарко и угарно. Помолвившись Богу, я поклонился двумъ женщинамъ, стоящимъ у печки,—одна была старуха, другая молодая.

— Христосъ воскресъ! здравствуйте хозяйки! Гдѣ же больной вашъ, живъ-ли онъ?

— А вотъ на кровати, отвѣтила старая.

Я подошелъ къ кровати, на которой, какъ мнѣ показалось, сладко спалъ здоровенный человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, размѣтавъ руки. Широкая, могучая грудь мѣрно поднималась и опускалась, подъ новой ситцевой рубахой. Испорченное осною смуглое лицо было окровавлено.

— Что же онъ безъ сознанія или спитъ? обратился я къ женщинамъ.

— Уснулъ надо быть, отвѣтила старая и начала будить спящаго.

— Савельичъ, а Савельичъ! стань-ко! батюшко прѣѣхалъ...

— Стой... ужю... бормоталъ со сна спавшій.

— Батюшко прѣѣхалъ—ставай, повторила старуха.

Спавшій открылъ глаза, протеръ ихъ кулаками и приподнялся.

— А! батя! проговорилъ онъ.

— Ты боленъ, что-ли? спросилъ я.

— Я. Я больной—изувѣчили меня псы... Вотъ въ крови весь и онъ показалъ на свое лице.

— На полу то все кровь, добавила старуха. Дѣйствительно на полу я замѣтилъ нѣсколько капель крови. Но эти вещественныя доказательства плохо убѣждали меня въ опасности больного.

— Ты, кажется хорошо себя чувствуешь и могъ бы обойтись этотъ день безъ меня; знаешь, вѣдь, какой сегодня великій день!

— Ишь чего онъ выдумалъ! сердито и раздраженно бормоталъ больной;—ты развѣ влеталъ въ меня: худо-ли, хорошо-ли мнѣ. Звалъ—значить надо...

Горечью и досадою отозвались въ сердцѣ моемъ эти грубыя слова.

— Что-же ты желаешь исповѣдаться, что-ли?

— А вотъ увидимъ! можетъ исповѣдаюсь и причешусь...

— А ты не ѣлъ сегодня ничего?

— Кака ѣда! такъ разговѣлись маленько.

Но судя по плотной и коренастой фигурѣ больного, его совершенно здоровому виду и хорошо развитому желудку, нельзя было предполагать, что онъ »разговѣлся маленько.«

— Я вотъ что скажу тебѣ, любезный: исповѣдать тебя я могу, а приобщать не нахожу удобнымъ...

— А вотъ мы посмотримъ!... Оскла пошли-ка за Мишкой; што онъ запоетъ теперь?

Я недоумѣвалъ, что за комедія разыгрывается предо мною въ такой великій день.

Старая женщина торопливо вышла изъ избы.

— Кто-же и за что тебя билъ? спросилъ я мимо больного.

— За што? а такъ здорово—живешь? Мало-ли псовъ-то въ деревнѣ! Завидость беретъ, што достатки имѣемъ, вотъ и бьютъ—собаки!

— Такъ ты говори-же поскорѣе: если желаешь, я

исповѣдую тебя да и поѣду, не держи меня...

— Што о попадѣ стосковался? уѣдешь—великъ день-то... Дай мнѣ вотъ съ человѣкомъ переговорить, а то што?—попусту молиться, только безъ числа согрѣшить...

Этотъ цинизмъ выводилъ меня изъ терпѣнія.

— Я вижу, любезный, что ты совершенно здоровъ и и беспокоилъ меня совершенно напрасно, да еще и въ такой день! Стыдно да и грѣшно такъ дѣлать!...

— Ты чево стыдить развѣ ѣдишь больныхъ-то? Я хочу тайны Христовы принять, а онъ стыдитъ меня: Нѣтъ, братъ, у насъ не таки были священники... Гдѣ вамъ молодымъ супротивъ ихъ быть!...

— Къ тайнамъ Христовымъ люди приступаютъ со смиреніемъ, а ты, видишь, какъ со мной обращаешься...

— А чево я тебѣ худово сказалъ?

Въ избу вошелъ крестьянинъ. Помолившись Богу, онъ подошелъ подъ благословеніе; мы похристосовались и крестьянинъ отошелъ къ порогу.

— Ну, Михайло Ивановичъ, притворно болѣзненнымъ и слабымъ голосомъ застоналъ мнимо-больной; вотъ священника привезли: хочу исповѣдаться, причаститься...

— Ваше дѣло Силантій Савельичъ, отвѣтилъ Михайло и переступилъ съ ноги на ногу.

— Не хошь помириться, такъ вотъ сейчасъ...

— Силантій Савельичъ, съ жаромъ заговорилъ Михайло: поймѣй ты хоть для праздника Господня христіанскую душу: гдѣ же я должонъ тебѣ взять 10 рублей, ты вѣдь знаешь достатки мои!

— Твое дѣло, голубчикъ! А ты не должонъ драться; нынѣ начальство не смѣетъ...

— Послушай, Михайло, заговорилъ я, расскажи, что это у васъ вышло тутъ?—я ничего не понимаю.

— А вотъ што, батюшка, каюсь какъ Богу, такъ тебѣ: онъ, видишь, ѣздилъ въ городъ за водкой, я давалъ ему рубль, чтобы и мнѣ привезъ къ празднику четверть. Онъ привезъ, да и отдалъ мнѣ только два штофа, а полштофъ, говорить, я возму за хлопоты себѣ... Я просилъ, просилъ—не отдаетъ. Горе меня взяло, у бѣдности и то отнимаетъ, взялъ да и хлестанулъ его по рожѣ: не все, моль, пропало; да сноровилъ какъ-то по носу,—кровь пошла. Онъ кровью то и вымазалъ себѣ рожу, да и послалъ за тобой... Вотъ теперь просить за обиду 10 рублей али корову... Вотъ онъ каковъ! Онъ первой виновать, а вотъ теперь въ тяпасы¹⁾ лезетъ...

— Оекла, ступай за старшиной да повѣсти общественниковъ, дѣлать нечево, надо исповѣдываться причешпаться... притворно стоналъ больной...

До глубины души возмущала меня эта комедія.

— Послушай, Силантій, заговорилъ я:—ты шутишь что-ли тайнствами? вѣдь это кощунство; чтобы получить за обиду, ты призываетъ самаго Христа; развѣ Онъ такъ велѣлъ жить намъ? Хоть-бы ради Его Воскресенія-то простилъ-бы ты, вѣдь самъ-же ты подалъ поводъ къ ссорѣ...

— Ты слушай его, онъ тебѣ не то еще насажаетъ... Вору не божится, такъ и правому не быть...

Въ избу вошелъ старшина и человѣкъ пять крестьянъ, всѣ были довольно выпивши.

— Вотъ, восподинъ старшина и общественники, началъ Силантій:—вамъ извѣстно, што вчера Михайло Голодухинъ изувѣчилъ меня, вотъ я хочу исповѣдаться, причаститься, штобъ вамъ извѣстно было черезъ кого я смерть получаю...

— Онъ совершенно здоровъ, замѣтилъ я.

— Вотъ, восподинъ старшина, слышишь, што священникъ говоритъ, напиши ляпортъ, што привозили, моль, да онъ

¹⁾ Тяпасами сибиряки называютъ судебные процессы. Автор.

не сталъ исповѣдывать—причешшашъ. Пропиши, што и меня изувѣчилъ Михайло.

Широко растворилась дверь и въ избу вошелъ, съ папирскою въ рукахъ, деревенскій писарь—поселенецъ. Красное и наглое лице его лоснилось послѣ жирнаго обѣда и вышитой водки, какъ покрытое лакомъ. Онъ, должно быть, считалъ унизительнымъ для себя принять отъ меня благословеніе и фамиллярно протянулъ было руку, но я осѣнилъ его крестомъ и подалъ руку, которую онъ впрочемъ не поцѣловалъ. Буря папиросу онъ сѣлъ возлѣ меня.

— Каковъ ты Силантій Савельичъ? спросилъ онъ хохляна.

— Плохо, братъ, Иванъ Ивановичъ, притворно простоналъ Силантій.

— Какъ-же ты думаешь Михайло:—вѣдь надо помириться съ человѣкомъ, начальническимъ тономъ обратился писарь къ Голодухину:—а то пожалуй плохо будетъ тебѣ...

— Напиши Иванъ Ивановичъ лаяортъ... стоналъ Силантій,—да вотъ и о священникѣ—архирею: не хочетъ причестить, умираю безъ дары—безъ покаянія. Пусть заставитъ его сажу толочь за эго дѣло, молодъ больно—учить насъ.

Писарь покосился на меня. Я не отвѣтилъ ни слова на эти угрозы, только подумалъ, что все возможно: могутъ подать прошеніе, а оправданій отъ священника, пожалуй и не примутъ, тѣмъ болѣе, что всѣ свидѣтели на сторонѣ этого самодура—міроѣда, такъ нагло глумящагося надъ таинствами. Что-же дѣлать? Страна далекая, мѣсто глухое, »отъ царя далеко, а до Бога высоко!«.

— Не помирись, такъ придется написать. Такой сегодня великій праздникъ, а вы вотъ начальству утружденіе дѣлаете...

Подъ начальствомъ писарь, вѣроятно, разумѣлъ себя...

Нѣсколько времени прошло въ совершенномъ молчаніи.

— Ну, такъ и быть, громко, и махнувъ отчаянно рукой, заговорилъ Михайло:—возьми корову—Богъ съ тобой, разживайся нашими слезами...

И Голодухинъ отеръ дѣйствительно выкатившуюся слезу своей широкой ладонью.

— Грѣшно, Силантій, замѣтилъ я, обижать человѣка, да еще и бѣдняка:—вотъ еслибы ты на послѣдней недѣлѣ хоть разъ пріѣхалъ бы въ церковь, да послушалъ бы, что тамъ читается и поется, то услышалъ-бы: какъ страдалъ Спаситель-то нашъ и чего Онъ, безвинный, не вытерпѣлъ, а все простилъ врагамъ своимъ и молилъ Бога—Отца, чтобы и Онъ простилъ ихъ, такъ Онъ училъ и насъ, чтобы а мы слѣдовали Его примѣру... А, вѣдь, ты самъ виноватъ, а не только не хочешь простить, но еще отнимаешь у бѣднаго послѣднее. Смотри, Силантій, горячіе угли собираешь въ свой домъ!...

Но Силантія трудно было пробрать.

— Меня-же били, я-же и кланяйся! Вишь судъ какой! сердито бормоталъ онъ:—Оекла, скажи ребятамъ, штобъ пригнали сейчасъ-же корову. Старуха вышла.

— Ну, обратился старшина къ Михайлу Голодухину:—за утружденіе надо старичковъ поподчивать, Михайло Лазаричъ, водочкой; оно-же подъ статью, потому празднивъ Господень...

— Да гдѣ-же я возьму вамъ водки, воспода абшественники?

— А я то привезъ два штофа, виѣшался Силантій,—развѣ выпилъ?

— Мы, вѣдь, знаемъ, усмѣхнулся старшина:—вотъ Михайла Ивановича, восподина писаря, тоже надо за утружденіе угостить...

— У меня, братцы, про добрыхъ людей...

— А мы нешто худые?... Коли не хошь поподчивать, такъ надо его, Михайло Ивановичъ, въ волость при ляпортѣ отправить....

— Да, за буйство слѣдуетъ... Вотъ, батюшка, обратился ко мнѣ писарь:—такой великій празднигъ, а тутъ возись съ ихними дѣлами, суди да разбирай ихъ... А какъ вы уклонитесь?—служба!

Михайло стоялъ и почесывалъ затылокъ.

— Ну идите, что дѣлать! какъ-то отчаянно сказалъ онъ и пошелъ изъ избы, за нимъ пошли мужики, а потомъ и начальство—старшина и писарь.

— Ну, слава Богу! сказалъ Силантій поднимаясь съ постели:—вотъ и помирились!...

— Не дай Богъ такъ мириться никому изъ православныхъ, замѣтилъ я;—развѣ миръ между вами будетъ? нѣтъ, теперь то и начнется между вами злоба да раздоры...

— По крайности тяпосовъ-то небудетъ...

— А ты слыхалъ, какъ училъ Спаситель объ обидахъ-то?

— Гдѣ намъ—люди темные, это вамъ надо знать...

— Да васъ учить, добавилъ я, Господь-то говоритъ: если тебя ударятъ по щекѣ, то подставь и другую, а если попросятъ одежду, то отдай и рубашку, а ты какъ сдѣлалъ?... Теперь скажи-же ты мнѣ, зачѣмъ ты меня, призывалъ, зачѣмъ отвлекъ меня отъ службы въ такой величайшій въ году празднигъ? Неужели-же тебя неупрекаетъ совѣсть?

— А вотъ для чего, милый человѣкъ, безъ тебя Михайло не въ жисть не раступился-бы съ коровой, а какъ припугнулъ, што исповѣдаюсь да причащусь, вотъ онъ и сдался, видить, што податься ему не куда... Нѣтъ, мы, вѣдь, остры на эти дѣла, своего не упустимъ; это все въ ляпортѣ прописали-бы. У насъ, братъ, Иванъ Ивановичъ вострой мужигъ, небось чево напишетъ, али разсудить какъ,—любо слушать...

И Силантій началъ умывать руки и лице замаранные кровью.

»Не сонъ-ли это, думалось мнѣ, тяжелый, болѣзненный?—но нѣтъ, это была горькая дѣйствительность...

Глумленіе надъ святѣйшими таинствами и ихъ служителями, поруганіе святыни, отсутствіе всякой человѣчности и правды, оскорбленіе святости великаго дня,—все это такимъ тяжелымъ бременемъ налегло на сердце, что я немогъ опредѣлить и сознать, что происходило во мнѣ, какое было господствующее чувство: гнѣвъ-ли, досада-ли, презрѣніе или ненависть къ этимъ людямъ, глї жалость и состраданіе къ ихъ невѣжеству... Среди этаго хаоса чувствъ, гнѣтущихъ душу, словно какой-то ласковый, полный всепрощающей любви и кротости голосъ шепталъ: »они-ли виноваты въ этомъ? Достойны-ли они, чтобъ бросить въ нихъ камень, когда они не знаютъ, что есть иная жизнь для человѣка, иныя высокія стремленія и потребности, кромѣ удовлетворенія самыхъ обыденныхъ, животныхъ инстинктовъ? Къ свѣту, къ свѣту Христову ведите ихъ! Свѣтъ Христовъ озаритъ это мертвое царство нравственнаго растлѣнія, гдѣ стимуломъ дѣятельности служатъ одни только животныя страсти и эгоизмъ; гдѣ

жестокосердіе, страсть въ захвату и наживѣ возведены на степень добродѣтели; гдѣ царятъ въ непроглядной нравственной тьмѣ невѣжество и порокъ; гдѣ неомытны для сердець великія слова: миръ, любовь и прощенье. Къ свѣту, къ свѣту Христову ведите ихъ! Возжигайте свѣточъ вѣроученія и идите съ нимъ изъ веси въ весъ, изъ хижины въ хижину, съ любовью въ сердцѣ и кроткимъ словомъ на устахъ. Вливайте въ мертвыя общества струи новой вѣчной жизни, для того вы и поставлены такъ близко къ источнику этой жизни; почерпайте обильно струи этого источника и напойте души, задыхающіеся и изнывающія отъ жажды въ промзглой атмосферѣ тупоумія, лжи, разврата и тлѣтворныхъ предрасудковъ и суевѣрій«...»

— Не склоняй головушку—не печаль хозяина! почти надъ самымъ ухомъ моимъ прогремѣлъ голосъ моего хозяина.

Увлечшись своими думами, я незамѣтилъ, что на столѣ было поставлено обильное пасхальное угощенье и стояла бутылка водки.

— Залѣзай-ка за столъ, да закуси, просилъ меня Силантій:—вотъ водочки выпьемъ за твое утруждение.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не буду ничего ѣсть, разговѣюсь дома съ семействомъ, мнѣ вотъ лошадей поскорѣе—поѣду.

— Ну вотъ! а водочки-то?

— Не пью, да и тебѣ не совѣтую...

— Вотъ! пошь да водки не пьеть! Да гдѣ-же это слыхано!... Ну, братъ, не будешь съ нами вино пить, да самъ не будешь насъ подчивать, жить тебѣ будетъ плохо... Мы съ духовниками прежде дружно живали...

— Лошадей мнѣ, Силантій, пожалуйста поскорѣе...

Онъ выпилъ рюмку водки и пошелъ распорядиться—запрѣчь лошадей.

Когда я началъ прощаться, Силантій обратился къ своей женѣ:

— Старуха, неси-ко хоть пятокъ яичекъ батькѣ-то, за труды надо-же поблагодарить.

— Ничего не нужно мнѣ—прощайте!

За деревней только я вздохнулъ свободно.

На пути я подсчиталъ сумму моихъ нравственныхъ тревоженій въ это достопамятное пасхальное утро: сотни моихъ прихожанъ остались въ великій день праздника безъ духовнаго утѣшенія—присутствовать при совершеніи литургіи; приглашеніе меня, для исполненія моихъ святыхъ обязанностей, обращено въ средство къ грабежу; за мое послушаніе и желаніе, по мѣрѣ силъ служить людямъ, я встрѣчаю грубое и обидное обращеніе; при мнѣ, наконецъ, совершается грабѣжъ бѣднаго богатымъ; попрано мое высокое служеніе какъ бисеръ свиньями и изъ него сдѣлали отвратительно-пошлую комедію...

И изъ-за чего все это?

Изъ-за того, что какому-нибудь мироѣду Силантію Савельевичу Коробову вздумалось оттягать у бѣдняка Голлодухина корову или взять съ него десять рублей за разбитый носъ, вслѣдствіе захваченнаго полштофа водки!..

Да, братіе—сослужители, бываютъ въ нашей жизни слишкомъ тяжелыя минуты!

С. С--кій.